

Говорят, что для телеведущего главное — харизма. Привлекательность, что ли. Или способность завораживать своего зрителя. Собственно, эта самая харизма необходима и политику. Без нее политик просто не в состоянии влиять на настроение своих потенциальных избирателей. Когда я сидел в рабочем кабинете Андрея Викторовича КАРАУЛОВА, я пытался ответить на вопрос — в чем же заключается его харизма. Караулов не обладает волевым взором, твердым подбородком и приторным голосом. Даже по отчеству себя не разрешает величать. Мол, мы же журналисты.

— Алексей Иванович Аджубей мне однажды сказал — журналист всегда человек улицы. У человека улицы должно быть имя, а отчество — это уже вторично.

— То есть журналист должен вести себя так же, как любой человек. Говорить на том же языке, пользоваться теми же выражениями, что приняты, извините, во дворе?

— Говорить журналист должен своим языком. Только своим, своим собственным.

— То есть это — залог успеха. Мне казалось, что скандальность — ключ к двери суперпопулярности. Вот вы, например, всегда были в центре слухов, объектом, так сказать, повышенного внимания...

— Это плохо или хорошо?

— Мне казалось, что это — осознанная необходимость?

— Нет. Это не игра. Я просто всегда делаю то, что я хочу. Живу так, как я хочу. Пишу так, как я хочу. Снимаю программы так, как я хочу. Говорю так, как я хочу.

Был в журнале "Театр" такой Александр Павлович Демидов. По тем временам, брежневским, он был женат астрономическое количество раз. Семь раз, или восемь, или девять. Другой уважаемый, благополучный критик, заведующий литчастью крупнейшего театра страны, преподаватель, кандидат наук, с завистью мне говорил: "Сашка Демидов живет так, как никто из нас не живет. Хочет жениться, хочет разводиться, хочет пьет на работе..." С завистью!

А другой великий мне сказал: удивительное дело, все есть — деньги есть, женщины есть, семья есть, дети есть, работа есть, книги издаю — счастья нет. Парадокс?

— То есть получается, что счастье — это жить так, как ты хочешь?

— Не знаю. Счастье каждый понимает по-своему. А живем один раз. Почему не жить так, как хочется? Я не прав?

— Надо думать. Но скорее всего большинство людей просто осторожничают. Приучили...

— Не надо быть осторожным. Не будет главного: полноты жизни.

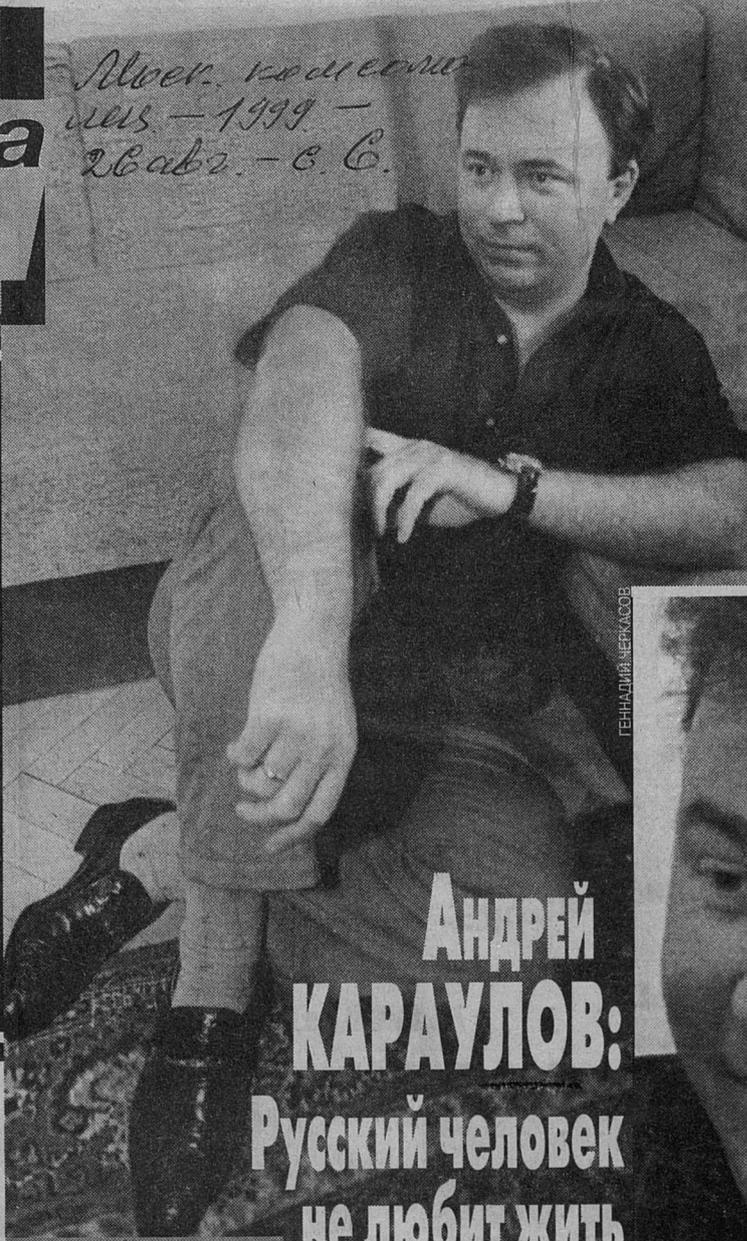
— Вы неосторожны — это факт. Жесткая характеристика людей, которую вы произносили в эфире, действовала на зрителей супервпечатляюще. Это гражданская позиция или профессиональный прием?

— Есть разная журналистика. Можно интересоваться очень мягко, как это делают мои коллеги телевизионщики: что сегодня ел слоненок на обед? И когда слоненок ответит, продолжит: а не подавился ли он, когда ел. Заметив между прочим, что вся страна голодает. Спокойно, с интонацией интеллигентских кухонь конца 70-х годов. Но...

Ситуацию ввода войск в Чехословакию можно было обсуждать на кухне. Но восемь человек обсудили ее на Красной площади, и об этом говорил весь мир.

Или когда Лера Новодворская раскидывала листовки перед началом спектакля "Октябрь" — оперы Ваню Мурадели — в Кремлевском дворце. Опера была плохая, ее

Моя первая книга
1999 —
2002 — с.с.

АНДРЕЙ КАРАУЛОВ: Русский человек не любит жить

ставили только на 7 ноября. Лера кинула листовки за пять минут до начала спектакля. Был выходной день, и КГБ было уже пьяное. Ее даже арестовать было некому.

— Но она же хотела, чтобы ее арестовали...

— Ждала...

Мераб Мамардашвили говорил: есть смерть и есть мертвая смерть. Это, на мой взгляд, не тяга к публичности. Это именно желание сделать так, как я хочу. Хочу, чтобы меня арестовали, а если подумают, можно сделать то же самое и убежать. Нашкодил и скрылся. Эффект, кстати, тот же самый: листовки пошли по залу. Каждый выбирает свою собственную жизнь, каждый делает свою судьбу в России.

Антон Павлович Чехов сказал однажды: "Русский человек не любит жить". Это было открытие, которого не заметили, а если подумать, на этом стоит вся литература рубежа веков. Все у Федя Протасова есть, а он бежит из дома. Почему? Изюминки не было, — говорит он.

Моя изюминка в том, чтобы делать так, как я хочу. И мне совершенно все равно, как это оценит Иван Иванович с Иван Петровичем. Есть черта, которую нельзя переступить, — библейские заповеди.

Когда Олег Сосковец орал Олегу Попцову в момент эфире "Момента истины": "Что несет этот...", Олег Максимович Попцов спокойно говорил: "Олег Николаевич, вам не нравится, что он говорит?" "Да", — кричит Сосковец, — "Но он же говорит правду". — "Есть правда, которую говорить нельзя", — кричал Сосковец. "Переключите тогда на другую кнопку..."

Если правда, если ложь... В книге, которую я сейчас написал, бесспорно, присутствует вымысел, но я отвечаю за то, что я пишу. Мне интересна реакция на рукопись героев книги — бывших руководителей страны.

— Вы не боялись поспорить с ними?

— У меня со многими хорошие отношения. Но эти люди себе не принадлежат, они принадлежат нам всем. Они — наше время. Они делали это время, строили его. Строили с колоссальным количеством ошибок, глупостей. Передавая друг друга, передавая себя, запутываясь.

Мне проще было поменять фамилию Ельцин на Елкин, Горбачеве на какую-то фамилию. Зачем? Я отвечаю за то, что я пишу. Пока я жив, отвечаю. Почти все те, кому наверняка не нравилась правда, вернули мне рукопись молча, не сказав ни одного плохого и ни одного хорошего слова. И это не помешало нам дальше продолжать так же тесно общаться. То есть они поняли, что рано или поздно правда будет рассказана.

Это — цена. Цена решений и ошибок, цена их сломанных судеб.

— Вы действительно считаете, что герои вашей книги, политики, искренне хотели добра?

— Великий человек XX века Андрей Дмитриевич Сахаров делал атомную бомбу для Берии и Сталина. Он понимал, что они шизофреники. Он понимал, что бомба в руках безумного человека может привести к нарушению того самого паритета, о котором все твердят, объясняя создание бомбы.

Олег Иванович Борисов — великий русский актер, играл Андрея Сахарова в Петре Петровиче Гарине. Этого никто не знает. Борисов видел его человеком гениально одаренным и очень честным, который сам ужаснулся тому, что он сделал. Поэтому гипербола погубила вместе с Гаринным.

Более того, с этим оружием в руках у Гарина Петра Петровича, по мысли Олега Борисова, началась как бы очистительная жизнь. Как считал Борисов, она наступила и у Андрея Сахарова.

Я с этим пришел к Елене Георгиевне Боннэр. "Елена Георгиевна, вот такая концепция". Она говорит — нет. За несколько дней до смерти Андрей Дмитриевич повторял, что создать бомбу было необходимо, чтобы был паритет. Елена Георгиевна Боннэр разрушила мою романтическую концепцию. Я об этом сделал передачу.

МОМЕНТА ИСТИНЫ

— То есть жизнь намного проще, чем мы ее описываем...

— Она еще проще, чем кажется. А ответов на вопросы нет. Вся наша жизнь сегодня — это вопросы без ответа и ответы без вопроса.

— Когда вы уходили в политическую журналистику, вам казалось, что политика драматичнее театра. Или был коммерческий интерес?

— Нет, не из-за денег. В "Независимой газете" я был заведующим отделом литературы и искусства. Я печатал статьи о Дарье Васильевне Зеркаловой — и рядом были интервью со Старовойтовой, или Степанковым, или Собчаком. И платили одинаково.

Меня просто интересовали крупные люди. Было другое время, время талантливого. Время самозванцев. И меня эти люди увлекли искренне.

Мне недавно Астафьев говорил в передаче: неужели непонятно было, что делают Оболенский, Собчак, Старовойтова. Чего они поносятся-то? Как Собчачок победит...

Мне нравился Собчак, мне был интересен Казанник, мне был интересен даже Оболенский. Интересно видеть, как Горбачев испугался Оболенского, когда тот стал выдвигать себя в президенты Советского Союза. Съезд был как Большой театр, и мне хотелось быть в этом театре.

— А может, у этих людей была просто жажда власти, которая сильнее основного инстинкта?

— У кого как. У Сахарова не было жажды власти. Нет ее у Солженицына.

— Андрей Викторович, отвлечемся от политики. Ваша публичность вас самого не пугает? В конце концов кто-то может сильно разозлиться, ту же налоговую полицию насрать?

— Я в этом году, со страхом, заплатил налогов больше, чем Филипп Киркоров. Со всех фильмов, которые шли за границей. Со страхом перед законом. Это нормальный страх.

Я даже вписал пользование VIPом в "Шереметьево". Стоимость VIPа — 50 долларов. Это твой доход. И так насчитали VIP Лисовскому. Он пользовался VIPом раз двадцать за год, получилось 1000 долларов. И, естественно, с этой суммы он не уплатил на-

лог. Ему в голову не пришло включить пользование VIPом в налоговую декларацию! Первым делом налоговые милиционеры ему сказали: вот ты тысячу скрыл, это уклонение от налогов в особо крупных размерах.

Я давно для себя честно решил жить в ладах с Уголовным кодексом.

— Чтить, как Остап Бендер?

— Не чтить, а бояться. Главное почтение к закону, когда ты этого закона боишься. Ты его уважаешь.

Единственное, чего я боюсь, — это тюрьмы в нашей стране. Я был у Димы Якубовского в лагере, я был в том же лагере у Чурбанова. Там время остановилось, там ничего не изменилось: те же два нуля, такая же вонь из этих нулей прямо напротив кабинетов.

— По отрывкам из вашего романа я понял, что вы первый писатель-документалист, кто пишет о том, что Ельцин, например, пьет...

— Да пьет-то ладно, там есть вещи еще более любопытные.

Аркадий Иванович Вольский в моей программе "Русский век", глядя в камеру, рассказывает, как 18 августа 91-го года вечером ему позвонил из Фороса Михаил Горбачев. — "Аркадий Иванович, так ведь не было же связи?" Оказалось, он позвонил Вольскому из домика охраны, где спокойно работал московский телефон. Долго ругался матом, что никого не может найти: ни Яковлева, ни Бакатина. А потом сказал Вольскому: "Аркадий, сейчас по радио скажут, что я болен, так ты знай, что я здоров. Все, пока".

Так Горбачев предупредил мир о Форосе. Я пять раз сказал Вольскому: Аркадий Иванович, вы отвечаете? Вас же в суд поволочет Горбачев. Если это правда, то меняется все! Если работал телефон, то не было затворничества Горбачева. Он мог позвонить в ООН, Колю, Бушу, кому угодно. Не было бы ГКЧП! Он, Горбачев, мог остановить это одним телефонным звонком, а он Вольского выбрал.

Все это Аркадий Иванович мне рассказал, чтобы хоть кто-нибудь услышал, хоть как-то откликнулся. Я-то ждал, что будет хоть какая-то реакция. Тишина. Я об этом написал в романе: нам наплевать на нашу историю и на самих себя.

— А может быть, события последних дней намного чудовищнее, чем те три дня в августе?

— События 17-го года намного чудовищнее, чем события времени Петра Великого.

Время тяжелое. Очень. И каждый год население России сокращается на миллион человек. И плотность населения в РФ сегодня меньше, чем в пустыне Сахара. Поэтому нам неинтересен Форос, поэтому нам неинтересен даже Дагестан. Дагестан — начало чрезвычайного положения...

— Мрачная перспектива. А вы как театральный критик можете читать политический сценарий?

— А я нигде и не уходил из театральной журналистики.

Закончил большую работу, книгу о Льве Додине. Начал монографию о великой Юлии Константиновне Борисовой. Монография об Олеге Борисове вышла уже несколько раз.

Я как бы ушел в этот последний роман. Четыре книги, 14 тысяч страниц машинописного текста. В нем — вся наша жизнь за последние десять лет. Первая часть кончается Беловежской пушей и отставкой Горбачева. Вторая часть — расстрел Белого дома, финал. Третья — второй тур выборов, 96-й год. И последняя часть — наш сегодняшний день.

Я писал его шесть лет. Это было моим главным делом. Ради книги я иногда пропадал с экрана. Теперь надеюсь, что не пропаду. Хотя никаких переговоров с ТВ-Центром я не вел. Сегодня неважно, где ты говоришь, где выходит твоя программа и где издается твоя книга. А важно, что ты делаешь.

— Это момент славы?

— Нет. Это цензура. Нынче очень много цензуры. Цензура везде. Швыдкой, начинавший как демократ, сегодня публикует кассету со Скуратовым. "Вести" подвергаются такой жесткой цензуре, как это близко не было во времена Олега Попцова. Там тоже была цензура, но ту цензуру по нынешним меркам я бы и не назвал цензурой. Когда снимали Олега Попцова, я привел всех к Черномырдину. Пришли: Света Сорокина, Таня Худобина, Сванидзе, Саша Нехорошев. Я организовал эту встречу. Мы тогда не отдали Олега Попцова, его сняли только через полтора года.

Сегодня мы все уже не соберемся той командой и не пойдем к Путину просить за кого-то. Да и не поймут. Брюсов сказал — есть для избранных годы молчания. И это про наше время.

Хотя мне молчать все равно не хочется...

Андрей МОРОЗОВ.

ОРТ с 30 августа бразильский сериал "Во имя любви" по многочисленным письменным просьбам домохозяйек будет транслироваться не в 17.00, как сейчас, а в прайм-тайм — 19.45.

ТВ-6 Компания испытывает серьезные финансовые трудности. В связи с этим здесь началось новое сокращение штатов. Одна из причин кризисной ситуации — так и не полученный до сих пор льготный кредит от российского отделения австрийского Raiffeisen-банка, обещанный Борисом Березовским. Денежное вливание БАБА было одним из условий, выдвинутых Эдуардом Сагалаевым при продаже олигарху своих акций.